

1

Литератор Григорий Аркадьев уже полгода находился в плену бессюжетного периода. Предпринимаемые время от времени попытки вырваться на свободу к успеху не приводили. Планы побега, выстраиваемые в голове Аркадьева, рушились с таким грохотом, что ощущение поражения оглушало. Возникали сомнения в своих возможностях и другие вредные мысли.

Появилась даже идея купить сапоги, отрастить бороду и пойти пешком по СНГ в поисках сюжетов. Жена Аркадьева, Аллочка, всегда и во всём поддерживающая своего мужа, от планируемой бороды не испытала особого восторга, а остальную часть замысла одобрила:

— Ну конечно, сходи, дорогой, развейся. Прогулки полезны. И я с тобой прогуляюсь.

— А что, — мечтательно произнес Григорий. — Идти куда глаза глядят. Встречать рассветы и закаты вместе с братьями нашими меньшими. Слиться душой с природой. И главное — отрешиться от всяческой суеты. Не спешить никуда. Не горит же...

— Ой, у меня, похоже, пирог горит! — встрепенулась Аллочка и умчалась на кухню.

Аркадьев взял большой потрёпанный географический атлас, нашел в нем Советский Союз и медленно прошёлся глазами по линии границы.

— Какую страну профукали! — вздохнул он.

Вернулась жена с подносом спасённого пирога, и мысли Григория переключились на кулинарные темы.

За чаем с выпечкой время шло незаметно. Наконец, с сожалением посмотрев на остатки пирога, Аркадьев отодвинул от себя поднос и выдохнул:

— Да... Не так мы живём, не так... Мы слишком привязаны к благам цивилизации. Мы забыли, что такое холод и голод. Мы перестали ценить маленькие радости. Наш разум покрылся жирком благополучия. Нет, надо срочно что-то менять...

— Правильно, дорогой, — согласилась жена.

Она унесла посуду на кухню, а Григорий

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи

рассказ

долго сидел, задумчиво глядя на потолок, пока не задремал.

2

Утром Аркадьев вышел на балкон и поёжился. Еще вчера было тёплое бабье лето, а теперь всё небо затянули тоскливые серые тучи. Лужи на дороге пузырились и расходились волнами под колесами проезжавших машин. Холодный ветер качал ветки тополей и швырял в лицо мелкие капли дождя. Аркадьев поморщился и вернулся в тёплую комнату, где уже был готов завтрак.

— Знаешь, — задумчиво сказал он жене, — я в который раз убедился, как всё-таки справедлива народная мудрость. Утро вечера мудренее. Еще вчера я был готов сорваться с места и пойти неизвестно куда. А зачем, собственно? Разве мало сюжетов вокруг? Нет, нужно не тратить время на сомнительные авантюры, а настойчиво бить в цель. Моё дело — литература, моё рабочее место — письменный стол. А всё остальное — от лукавого. Ну, скажи, разве я не прав?

— Конечно, прав, дорогой. Куда идти на зиму глядя? Лучше весной на море рванём. А пока сиди дома и спокойно работай. Хочешь ещё чаю?

— Пожалуй, — согласился Григорий, беря очередной круассан.

3

День прошёл как обычно. Благодушное настроение после завтрака вызывало мысли о предстоящей плодотворной работе. Остановка была за малым: подобрать подходящую тему. Тему, которая была бы одновременно и актуальной, и созвучной внутренним ожиданиям.

Аркадьев просмотрел стопку старых газет, где он отмечал материалы, показавшиеся ему интересными. Нужен был толчок для мысли. Но мысли упорно отклонялись от чего-то конкретного, плавно покачиваясь на поверхности моря общих рассуждений.

Настроение начинало портиться. Григорий отодвинул газеты и, взяв чистый лист бумаги, аккуратно вывел: «План». С полчаса он сидел, уставившись на белую поверхность листа. Затем пой-

мал себя на мысли о том, что мысли о творческом плане полностью отсутствуют. А присутствуют обо всём сразу и ни о чём.

Аркадьев потёр лоб, раздражённо встал из-за стола и включил телевизор.

Спасаясь от хлынувшей в комнату рекламы, он зашелкал пультом. Однако настроение лучше не стало. Новости не радовали, телесериалы давно набили оскомину, познавательные каналы уже много лет крутили одно и то же.

«Всё, хватит! — подумал Аркадьев. — Хватит ждать вдохновения свыше. В конце концов, не важно о чём писать. Важно — как. Пусть случай решит, о чём следует поведать миру».

Он закрыл глаза и в последний раз нажал кнопку на пульте управления.

«Вор должен сидеть в тюрьме!» — раздался голос Высоцкого.

4

На следующий день Аркадьев посетил местное отделение Союза писателей, где привёл председателя своей просьбой в полное замешательство.

— Да ты, братец, оригинал, — заметил председатель, с любопытством оглядывая Григория. — Весьма неожиданная идея. Весьма... Впрочем, может, в этом и есть рациональное зерно.

Аркадьев уверенно заявил:

— Конечно, есть. Метод погружения — это сильное средство. Нужно хорошо знать то, о чём пишешь.

— Да, это верно. Ну что ж, давай попробуем. Мы вставим тебя в план работы. Прямо на очередном заседании я подниму этот вопрос. Направим письмо в Министерство юстиции. Согласуем детали. Глядишь, и получится. Действительно, нужно смелее осваивать новые территории, применять эффективные методы работы. Ты молодец, Григорий. Дерзай!

— Спасибо, — улыбнулся Аркадьев. — Ну и сколько времени потребуется, чтобы утрясти все формальности?

Председатель пожал плечами и задумчиво пожевал губами:

— Ну, трудно сказать. У нас ведь подобного ещё не было. Но в связи с последним усилени-

ем борьбы с излишней бюрократизацией, скорее всего, не особенно долго. Думаю, через полгодика что-то прояснится.

У Аркадьева резко упал дух. Он покачал головой и протянул:

— Это слишком. У меня нет столько времени...

— Ну а что ты хочешь, братец! Это ещё быстро. Впрочем, если тебя не устраивает, попробуй неофициальный путь. Может, и повезёт.

— Вы имеете в виду...

— Ну да, — кивнул председатель, — именно это. У нас же в городе своя тюрьма имеется. А земляк с земляком всегда договориться сможет.

5

Вместной тюрьме Аркадьев долго дождался дежурного. Так долго, что успел изучить все объявления, какие только смог обнаружить. Он уже собирался плюнуть и отказаться от своей затеи, когда появился хмурый дежурный в звании капитана.

— Ну, что у вас? — нервно бросил он, заполняя журнал.

Аркадьев представился и стал излагать свою просьбу, стараясь говорить доступно и убедительно.

Сначала дежурный молча слушал, продолжая что-то писать. Потом бросил ручку и недоумённо уставился на Григория. Затем ещё раз, уже внимательнее, просмотрел его документы и спросил:

— Вы у психиатра давно были?

Григорий смутился:

— Давно. А что?

Капитан ничего не ответил.

Аркадьев выждал немного и продолжил свою речь, упирая на то, что борьба с преступностью — задача всего общества. И он, как писатель, хочет внести свой вклад в это важное дело.

— Да и вашему учреждению положительные отзывы не помешают, — закончил он, как ему показалось, вполне убедительным аргументом.

Дежурный позвонил куда-то по телефону и кратко обрисовал ситуацию. Выслушав ответ, он неприязненно бросил взгляд на посетителя.

Аркадьев молча ждал.

— У нас режимный объект. Присутствие посторонних категорически исключено, — твердо заявил капитан.

Григорий понял, что препираться бесполезно, и повернулся к выходу, бросив на прощанье слова из песни Высоцкого:

— Эх, капитан, никогда ты не будешь майором.

— Я, между прочим, при исполнении. И привлечь могу, — обиделся дежурный.

6

— Как можно плодотворно работать в стране, где так относятся к писателям? — негодовал Аркадьев, шагая по комнате. — Где какие-то чинуши рушат творческие планы ради своих жалких сиюминутных интересов. Писатель не должен тратить время на преодоление всяких чиновничьих преград. Его удел — творить.

Аллочка попыталась успокоить разбушевавшегося мужа:

— Не переживай так, Гриша. Ведь ничего страшного не случилось. Подумаешь — в тюрьму не попал. Ну и бог с ней. Может, оно и к лучшему. Ты у меня талантливый. Обязательно найдешь какой-нибудь выход. А хочешь, я Ларе позвоню? У неё такие связи, что она тебя куда хочешь устроит.

Лара — сестра Аллочки — была довольно известным в городе психотерапевтом. Она и вправду могла многое, но Аркадьеву идея обратиться к Ларисе за помощью совсем не понравилась. Он недолюбливал свояченицу. Та частенько подтрунивала над Григорием, называя его не талантливым писателем, а всего лишь выдающимся. Конечно, это по-родственному, без обиды, но Аркадьеву всё равно было неприятно. Поэтому он раздражённо отмахнулся от предложения жены:

— Не хочу. Сам решу эту проблему. Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики. Ты права: выход всегда найдётся. Если, конечно, искать. А эти чинуши ещё пожалеют, что не пошли мне навстречу. Обойдусь и без их помощи. Да и вообще, вставлю-ка их в свою повесть. Так и назову её: «Учреждение ЯР 36/71»...

Чем больше говорил Аркадьев, тем больше он успокаивался. И вскоре будущее вновь представилось ему в радужном свете.

А к вечеру у Григория появился гениальный план, в который он с гордостью посвятил свою супругу:

— Нет безвыходных положений. Я всегда это говорил. Вот что мы с тобой сделаем: устроим дома свою тюрьму. И ходить никуда не надо. Завтра превратим маленькую комнату в тюремную камеру. Устроим с тобою ролевые игры.

И Аркадьев подробно обрисовал жене свой замысел.

Аллочка слушала его, раскрыв рот от восхищения изобретательностью своего мужа.

7

На следующее утро супруги принялись за осуществление задуманного. Вынесли мебель в прихожую. Легкомысленные обои с цветочным узором завесили серой мешковиной. Убрали люстру, заменив её маломощной лампочкой. Лампочку закрыли кожухом из старого дуршлага. Пока Аллочка рисовала на окне тюремную решетку, Аркадьев соорудил нары и прорезал в двери окошко для подачи пищи. В общем, работы хватало, и время пролетело быстро.

— Так... Вроде всё, — довольно подвел итог Григорий, оглядывая преобразившуюся комнату. — Теперь надо подумать, чем буду записывать свои мысли.

— Чаем из пакетиков, — предложила Аллочка. — Чернильницу из хлеба сделаешь. И перо птичье найдём. Голубиное можно.

Аркадьев задумался и покачал головой:

— Да нет. Ты представляешь, сколько я этим пером царапать буду? Лучше карандашом.

— Карандаш нельзя. Ты им можешь в глаз охраннику ткнуть.

— Ну, тогда пишущую машинку. У нас на антресолях «Москва» валяется.

— Да машинкой вообще голову разбить можно.

— А мы её к столу намертво прикрутим.

Наконец всё было закончено.

Поцеловав мужа на прощанье, Аллочка вышла из камеры. Лязгнув засов, и Аркадьев остался один.

Он лёг на нары и мысленно набросал план действий. Три дня на то, чтобы вжиться в образ. Три дня на обдумывание сюжета. Пара недель на черновые записи. Ну и неделя на окончательное оформление. Итого по плану выходило, что через месяц можно будет отмечать триумфальное завершение новой повести. Или романа? Хотя

какая разница. Размер не имеет значения. Главное — внести свой вклад в большую литературу.

За приятными размышлениями Григорий не заметил, как наступило время ужина. Он протянул миску в открывшееся окошко и получил свою порцию перловки с куском серого хлеба.

— А компот? — вспомнил он свои права.

— Кружку давай, — пробурчала Аллочка хриплым мужским голосом.

8

Прошла неделя. Григорий довольно легко изучил свою камеру, на всякий случай продумал все варианты побега, если будет такая необходимость. Прочитал словарь тюремного жаргона, отметил наиболее колоритные выражения для будущей книги.

Лишь один пункт намеченного плана никак не желал выполняться. Сюжет. Сюжет начисто отсутствовал, несмотря на все усилия Аркадьева. Лист бумаги, вставленный в пишущую машинку, уже несколько дней украшал лишь заголовок: «Учреждение ЯР 36/71 (записки заключенного)».

9

По вторникам был банный день. Поскольку ванная комната в квартире Аркадьевых никак не походила на тюремное помывочное помещение, пришлось пойти на небольшую хитрость. Волевым решением Григорий внёс некоторые изменения в свою тюремную жизнь. Он заявил, что за хорошее поведение ему полагается еженедельное свидание. И банный день совместили со свиданием.

Когда после горячей ванны Аркадьев появлялся на кухне, его уже ждал стол, накрытый домашними яствами.

В общем, тюремная жизнь оказалась вполне сносной. Однако отсутствие творческого результата действовало угнетающе. Дошло до того, что однажды, приняв ванну, Григорий даже не притронулся к приготовленному для него ужину. Он только выпил рюмку водки и молча ушёл к себе в камеру.

Аллочка машинально перемыла всю посуду.

Посмотрела любимый телесериал. Потом позвонила Ларисе и договорилась о встрече.

10

Лариса внимательно выслушала обеспокоенную Аллочку и усмехнулась:

— А я всегда говорила, сестрёнка, что Гришаня рано или поздно станет моим пациентом. И снова я оказалась права. Все симптомы налицо.

Аллочка побледнела:

— Что с ним?

— Судя по всему, у него СДОБА.

— Что? — переспросила Аллочка.

— СДОБА. Так мы с коллегами называем один из неврозов у творческих личностей. *Синдром душевного опустошения большого автора*. Именно большого. У мелких авторов подобного не наблюдается. Так что можешь гордиться своим мужем.

— И что же делать?

— Ну, вообще-то, ничего страшного. По крайней мере, пока.

Лариса подняла чашку с чаем:

— Смотри. Всего пять минут назад эта чашка была пустой. А теперь в ней отличный цейлонский чай. И что? Так и будет? Нет, конечно. Я выпью, и чашка снова станет пустой. А потом ты снова сможешь её чем-то наполнить. Так и с душевным миром человека. Это как сосуды, которые постоянно наполняются и опустошаются. Впечатлениями, переживаниями, чувствами и предчувствиями. Называй как хочешь. У одних людей сосуды достаточно малы, и поэтому процесс изменений идет быстро и незаметно. А у тех, кому достались большие сосуды, всё гораздо сложнее. Я доступно объясняю?

— То есть ты хочешь сказать, что у Гриши сейчас идет процесс душевного наполнения? — спросила Аллочка.

— Скорее всего.

— И сколько времени это может занять?

— У кого как, — засмеялась Лариса. — Зависит от величины сосуда. Ну и от внешних условий, конечно. Тут нельзя строить прогнозы. Психика — это вообще тёмный лес. А уж психика творчества — тем более.

Аллочка помолчала некоторое время, вни-

мательно рассматривая чашку с чаем. Затем, вздохнув, отпила глоток и промолвила:

— Боюсь, что если это будет долго тянуться, то может плохо закончиться. Гриша с каждым днём становится всё раздражительнее. Я не думала, что поиск сюжета окажется для него такой проблемой.

— Так подскажи ему. Зря ты, что ли, филфак окончила!

— Да когда это было, — вздохнула Аллочка.

— Но ведь было же. Придумай что-нибудь. Тут главное — толчок дать для мысли. Только незаметно. Лучше, если он будет считать, что сам додумался. Ну, например, пусть во сне сюжет увидит. Как Менделеев свою таблицу. Кстати, он крепко спит?

— Не очень. Особенно в последнее время.

— Я тебе травяной сбор завтра принесу. Одна знахарка презентовала. Лучше любого снотворного действует. И никаких побочных эффектов.

11

Через несколько дней Аллочка приготовила большую порцию травяного настоя, рекомендованного Ларисой. Снадобье было добавлено и в суп, и в кашу, и в крепко заваренный чай. После ужина оставалось только ждать результата.

Несколько раз Аллочка подходила к запертой двери и прислушивалась. Наконец она решилась и тихонько приоткрыла дверь.

Убедившись, что муж уснул, Аллочка проскользнула в камеру и, подойдя к машинке, стала осторожно печатать. Сначала она нервно поглядывала на спящего, опасаясь разбудить его. Но снадобье и на самом деле оказалось весьма эффективным. Сон был настолько крепок, что Григорий даже не пошевелился, продолжая тихонько посапывать.

И Аллочка уже смелее закончила набор задуманного текста. Потом она ласково поправила у мужа сползшее на пол одеяло и вышла.

12

Аркадьев открыл глаза и долго лежал, стараясь вспомнить, что же ему приснилось ночью. Сон точно был и, кажется, довольно

интересным. Но полностью растворился в памяти, оставив лишь досадное ощущение чего-то упущенного. И так каждый раз. Сколько сюжетов он утратил, не сумев удержать утром ночные видения.

«Лучше бы вообще не видеть сны», — подумал он и нехотя встал с нар.

Приведя себя в порядок, Григорий сделал пятьдесят кругов по камере, что стало у него ежедневным ритуалом. Затем, настраиваясь на работу, десять раз повторил вслух, что сегодня у него всё получится.

Подойдя к столу, Аркадьев замер, непонимающе глядя на лист бумаги в пишущей машинке. Он точно помнил, что ещё вчера кроме заглавия на этом листе ничего не было. А теперь бумага была заполнена текстом.

Григорий медленно вытащил листок и стал читать:

«Учреждение ЯР 36/71 (записки заключенного). Тридцатилетний врач-окулист Семён Ухов попадает в тюрьму за убийство, которого не совершал. Он настолько потрясён этим неожиданным ударом судьбы, что первое время пребывания в камере ведёт себя как робот, не испытывая никаких чувств и не замечая никого и ничего вокруг. Он машинально выполняет действия, которые требует тюремный порядок, но больше ни на что не реагирует. В голове по кругу движется цепь одних и тех же событий: арест — допрос — суд...»

Постепенно начинаются размышления. Если есть преступление и наказание, то, по закону единства и борьбы противоположностей, должно быть и наказание без преступления. И всё, что с ним случилось — это проявление мирового закона. Ничего личного. Просто он оказался не в то время не в том месте.

Но если он наказан за то, чего не совершал, значит, настоящий преступник избежал наказания. А есть ли преступление без наказания? Или преступление уже само по себе является наказанием, просто не все это понимают?

Размышления Ухова плавно переходят на причины преступности, её корни. Возможно ли общество без преступности? Или это диалектическая необходимость? Какие существуют методы борьбы с преступностью? Что такое

смертная казнь — месть за совершенное преступление или самозащита общества от повторения преступлений? Пожизненное заключение как способ противодействия возможным судебным ошибкам.

Размышления Ухова выливаются в многостраничную рукопись романа, которую он передаёт адвокату. Адвокат организует публикацию.

Книга вызывает интерес общественности. Правозащитники обращаются к президенту с просьбой о помиловании Ухова.

Но помилование не потребовалось, так как вмешались новые обстоятельства. Недавно при аресте некоего Мещеркина, подозреваемого в убийстве, тот был смертельно ранен. Раненый оказался серийным убийцей, который, понимая, что не жилец на этом свете, тщеславно рассказывает следователю обо всех совершенных им преступлениях. В том числе и о том, за которое осудили Ухова. Мещеркин описывает свои злодеяния во всех подробностях, явно желая оставить после себя след, пусть и кровавый.

В результате Ухов оказывается на свободе.

И ему присуждается премия «Русский Букер».

Ухов бросает медицину и начинает профессионально заниматься литературой».

Закончив читать, Аркадьев некоторое время стоял неподвижно, пытаясь выудить из закоулков памяти свои ночные действия. Наконец он пришёл к мысли, что проснулся ночью, записал сюжет и снова уснул. Иного объяснения нет. А это значит, что задуманный им гениальный план принёс первые плоды. И с неизбежностью принесёт и вторые. А там и третьи.

— Ай да Аркадьев! Ай да сукин сын! — воскликнул Григорий.

Впервые за много дней на его лице распустилась довольная улыбка.

13

Прошло две недели с тех пор, как Аллочка услышала, что из камеры доносится новый звук. Бойкий звук пишущей машинки. Теперь он звучал всё чаще и чаще. Каждый удар по клавишам означал ещё один шаг к освобождению Григория из добровольного заключения.

Аллочка с нетерпением ждала завершения эксперимента и продумывала праздничное меню. А пока она добросовестно исполняла роль охранника, надевая неуклюжую форму и меняя тембр голоса.

И вот настал день, когда вместо миски заключённый протянул в раскрывшееся окошко большую кипу листов.

Голос, до краёв наполненный гордостью, произнёс:

— Всё! Открывай, дорогая.

Свобода и Аллочка приняли Аркадьева в свои объятия.

14

Торжественный ужин затянулся далеко за полночь. Григорий, долгое время лишённый собеседника, спешил выговориться. Он с упоением рассказывал жене о своих переживаниях во время заключения, вновь и вновь вспоминал наиболее яркие, как виделось сейчас, моменты.

— Когда же я услышу твой новый шедевр? — спросила Аллочка, бросая кусочек ананаса в фужер с шампанским.

Аркадьев поднял рюмку с коньяком и улыбнулся:

— Потерпи пару дней. Вещь должна немного отлежаться. Потом пройдуся по ней рукой мастера. И уже тогда — на твой суд.

— Скажи хоть, о чём? — настаивала Аллочка. — Я просто сгораю от любопытства.

Она умоляюще сложила ладошки и застыла, глядя на мужа.

— Ну, хорошо, — сдался тот, — но только вкратце... Вещь называется «Убеждения ЯР 36/71». Это повесть о роботе, в позитронный мозг которого при создании вложена определенная поведенческая система, которая как бы представляет мир его убеждений. Ведь он не подозревает, что все это лишь набор программ, записанных кем-то. Однако чем сложнее система, тем менее она устойчива. Постепенно навязанные роботу убеждения становятся для него чем-то вроде тюремной решётки, отделяющей его от свободы. И робот замыслил побег. Но для этого он должен изменить свои убеждения, что означает изменить свою личность. А изменение личности это

частичная смерть. И начинается борьба между страхом смерти и жадой свободы. Робот меняет свои программы, создав для этого новую вирусную программу. В результате он обретает свободу. Но вместе с ней и новые убеждения, которые, по сути, являются новой решёткой. В общем, по-моему, получилась философская вещь, которая заставляет задуматься и о жизни, и о смерти, и о границах любой свободы...

Аллочка, ожидавшая услышать совершенно другое, с недоумением заметила:

— Дорогой, я только не пойму, а при чём тут тюрьма? Для чего мы столько возились, если это не вошло в твою повесть?

Аркадьев замер на мгновение:

— Действительно... Что тут можно сказать? Только то, что это загадка творческого процесса. Одна из загадок... Кстати, — добавил он, — сначала у меня появился совсем другой сюжет. А потом что-то щёлкнуло в мозгу, и стала раскручиваться новая цепочка.

И сюжет изменился до неузнаваемости. От старого мало что осталось. Хотя, если бы не было старого, не появился бы и новый.

Некоторое время супруги молчали, погружившись в мысли о неожиданностях творчества. Потом Григорий задумчиво сказал:

— А знаешь, следующая вещь, которую я хочу написать, будет совершенно не похожа на эту. Я, когда сидел в камере, часто думал о том, как заключённые стараются приручить какое-нибудь живое существо. Мышку там или птичку. Понятно, что чувствуют заключённые. Потребность о ком-то заботиться, быть кому-то нужным в этом мире. И я подумал: а что при этом чувствуют животные? Интересно было бы описать события их глазами. Правда, подобные случаи в литературе уже были. Но я бы мог взять кого-нибудь, о ком мы ещё мало что знаем. Например, змей или пауков. Изучить их жизнь, подобрать сюжет... Может получиться довольно интересно. Что ты думаешь по этому поводу?

Аллочка представила расползающихся по квартире змей и почувствовала, как мурашки пробежали у неё по спине.

— Как скажешь, милый, — вздохнула она.

Прыжок в рай

рассказ

Молодая женщина, облокотившись на подушку, сидела на диване и рассматривала книгу большого формата. Похожие картинки перескакивали со страницы на страницу, местами переплетаясь с текстом, чтобы потом опять воспроизвести щеки очередного улыбающегося голыша-карапуза.

«Почему на всех фотографиях новорожденных изображены как минимум трехмесячные дети?» — подумала Надежда, листая страницы.

«Потому что именно таких, упитанных и умильно улыбающихся, всегда представляют в своем воображении будущие мамы», — вспомнился ей ответ подруги.

Ещё месяц ожидания — и она наконец-то встретится со своей малышкой. И слезы умиления будут наворачиваться на глаза от взгляда на своего ребенка, а не чужого. Такого бесконечно родного, теплого и беззащитного. Он будет прижиматься к ней своим маленьким тельцем и просить защиты от внешнего мира, а она сама будет для него целым миром.

Надежда взволнованно положила руки на сильно выступающий вперед живот и прислушалась. Малыш спал.

«Вот всегда так: я бодрствую — он спит, я сплю — он бодрствует, — подумала она и поставила стакан с соком на живот. — Ну надо же, помещается, стоит и не падает». Ее веселили свои собственные ребячьи выходки. Она прикладывала к огромному животу плеер со звучащей музыкой Баха и Моцарта, нараспев декламировала стихи английских классиков, водила перышком по голому животу и визжала от восторга, когда пинок изнутри откликнулся на ее позывы. Они были одним целым. Кислород, которым насыщались их организмы, входил через единые легкие, а витамины и минералы из материнской аорты щедро перетекали в еще не до конца сформировавшийся детский клубок жизни. Один щедро отдавал — другой жадно брал, чтобы, взяв авансом, со временем отдать. Закон круговорота.

«Ну, спи-спи, — поглаживая живот, думала она. — Вот здесь мамочка поставит тебе кроватку, сверху повесит полог такой розовый-розовый, что каждый будет знать заранее: здесь живет самая настоящая принцессочка».

Тем временем солнце разлилось по всей комнате, наполнив время полуденной дремой. Надежде захотелось прилечь. Она понимала, что путь до их встречи еще не пройден и идти по нему нужно предельно осторожно, оберегая свою драгоценную ношу. Она себя баловала.

Сон накрыл Надю как легкое пуховое одеяло в тот самый миг, когда ее голова коснулась подушки. Усталость растворилась в призрачном мире сновидений, и отголоски сознания стали балансировать на грани полубытия. Грани мира отголосков призрачно переливались от дремотной радости до тягучей грусти, то раскачиваясь на волнах эфемерности, то дыбась пиком вверх. Сон становился беспокойным. Пучина ирреальных волн все сильнее затягивала тревожностью, зов настойчивой стихии стал ощущаться инстинктами и прорвался острием вверх.

«Больно-о, дерешься-то зачем?!» — завопила спросонья будущая мама и закашлялась от горького дыма.

«Пожар!» — сквозь слезный кашель поняла Надежда.

Буйный пузожитель колотил что есть силы материнское чрево. Горький дым создавал недостаток кислорода, и единый организм матери-ребенка отреагировал на нехватку.

«Надо открыть окно, — подумала она и метнулась в сторону света. — Нет! Нельзя! Огонь же разгорится сильнее, — опомнилась она. — Так, надо успокоиться».

Дрожащие руки опустились на живот. «Нужна мокрая тряпка! Точно — нужно дышать через мокрую тряпку». Первый попавшийся кусок ткани был намочен водой и приложен к носу. «Так. Нужно выбирать. Быстро. Думай. Думай как».

Надежда попыталась подойти к входной двери, но узкий коридор с деревянными антресолями утопал в ядовитом дыму. «Нужно пройти по коридору. Как? Думай. Думай быстро. Нужно обернуться в мокрую тряпку».

Надежда резким движением открыла шкаф, сорвала с вешалки пальто и потащила его в ванну. Включила душ — и вода хлынула на одежду. «Надо быстрее идти. Идти в пламя страшно,

хоть на тебе и мокрая одежда. Дышать нечем. Где дверь? Наконец-то. Горячая ручка, черт бы ее побрал». Рукав пальто спускается на кисть руки, обнажив плечо, которое тут же дрогнуло от ожога. Нажим — не открывается, еще нажим — не открывается, еще... еще... еще... больно... еще... нет... дверь заклинило.

«Дышать нечем. Надо все-таки открыть окно, тряпка уже не спасает. Хорошо, живот затих».

Воздух! Жадные глотки воздуха через щелку окна. Огню этого оказывается достаточно, он дышит так же, как и люди. Пламя с треском захватывает все большую территорию. Оно воюет со стенами, шкафом, паркетом, одеждой. Здесь должна была стоять детская кроватка с розовым пологом — теперь пламя. Здесь диван с пуховым одеялом... был. Вместо него свирепствуют огонь и чад.

«Что делать?.. Думай... Думай быстро... Но ведь выход через дверь отрезан...»

Надя нараспашку открыла окно и попыталась перегнуться через карниз. Высоко. Третий этаж. Рывок назад.

«Что делать? Думай. Быстро! Надо лезть... Туда...»

Превозмогая головокружение, Надя лезет на подоконник, преодолевает оконную раму и оказывается снаружи. Пятки устойчиво стоят на карнизе. Дрожащие руки пытаются держаться за раму. Жарко. Дурно. «Почему нет пожарных? В фильмах всегда есть пожарные. У них есть пожарная лестница. Лестница приставляется к горящему окну, и дядя в каске протягивает руку помощи. Так всегда показывают по телевизору. Почему нет дяди в каске? Жарко... На улице тихо как в гробу, даже нет зевак».

Уже запылилась рама. Язык пламени лижет спину и настойчиво толкает вниз. Долго не выстоять. И Надежда принимает решение. Она на мгновение отрывает руки от оконной рамы и складывает их лодочкой. Толчок неуклюжего тела, и оно отрывается от карниза. Так ныряют в море... головой вниз.

«Так у ребенка будет шанс, — промелькнуло в голове. — Я попаду в рай? Или это самоубийство?»

Каждый сантиметр, приближающий ее тело к земле, отзывается в ее памяти вспышками прожитых мгновений.

Кучерявые волосы мужа...

Белоснежная свадьба...

Первое «люблю»...

Школа...

Двоечник Сашка, дёргающий её за косу...

Привязанная к березе банка, полная сока...

Руки бабушки...

Мамин запах...

Ее жизнь в сантиметре от земли.

«Я попаду в рай?»

Легкий взмах крыльев, и белоснежный ангел смотрит на нее своими огромными прекрасными глазами.

«Я уже в раю?»

Боль.

Темнота.

* * *

Свет.

Лучи прожекторов.

Они беспощадно выжигают глаза до самого дна.

— Уберите свет! — крикнул кто-то.

— Надежда, простите, освещение сейчас отрегулируют.

Множество телевизионщиков толпятся вокруг стульев. Их работа — охота за сенсациями.

— Надежда, скажите, что вы чувствовали в тот момент, когда принимали решение прыгнуть головой вниз? Вам было страшно? — послышался первый вопрос.

На принесенном оборудовании прокручивается любительская съемка: располневшее тело летит головой вниз с расставленными руками. Так воздевают руки в молитве к небу, только вверх. Все-таки улица была не совсем безлюдна.

Слезы нескончаемым ручьем текут по ее щекам. Прошло восемь лет, но счастье невозможно осознать, потому что тот, кто видел глаза ангела при жизни, счастлив уже сам по себе.

— Я... — слезы неиссякаемо бегут по ее лицу, — я до сих пор не могу поверить, что я жива. Я живу, и это все благодаря моему ангелу-хранителю. — Она обнимает дочь и плачет навзрыд. — Она — мой ангел-хранитель, я живу благодаря ей, — говорит Надежда и заглядывает в глаза дочери. Дочь смотрит на нее своими огромными прекрасными глазами, точь-в-точь такими же, какими она их и запомнила тогда, когда легкокрылый ангел прикоснулся к ней своим крылом.

Курица

рассказ

Они познакомились на вечеринке у друзей. На тонкую талию Кати легла сильная мужская рука Кирилла, для того чтобы их соприкоснувшиеся судьбы впредь никогда больше не бродили поодиночке. Их интересы мгновенно переплелись таким странным образом, что причудливая картина из увлечений кёрлингом, покером, вязанием крючком салфеток и походов в горы воспринималась как однородное цельное полотно. И ни у кого не могла возникнуть даже тень сомнения, что у этой пары есть две несовместимые грани.

— Кушай, дорогой, — говорила Катя, ставя перед Кириллом тарелку с изысканным салатом из рукколы и кедровых орешков, заправленным винным уксусом.

И Кирилл кушал. Он тяжело вздыхал, но продолжал кушать. В его воображении неутомимо проплывала ароматная, вредная, наформалиненная, поджаренная курица-гриль, покрытая коричневой хрустящей корочкой. Он чувствовал воображаемый аромат сочной птицы и почти слышал хруст поджаристой корочки, но продолжал есть рукколу с орешками и вздыхать.

Грациозная Катерина, как тонкоствольная ива, нависла над неправильным образом жизни своего мужчины практически одновременно с его рукой, прикоснувшейся к ее талии.

— О, какая вредная колбаса! — сказала она на вечеринке, забирая из рук Кирилла палочку с канапе из сыра, оливок и сервелата, наколотого наподобие паруса, надутого попутным ветром.

Ее решимость была решимостью укротителя, который во что бы то ни стало должен выполнить свое рискованное «ап!».

«Ап!» — и курица-гриль исчезла без следа в мусорном ведре.

«Ап!» — и кусок жирной свинины последовал туда же.

«Ап!» — и роскошный сливочный соус слит в раковину.

«Ап!» — и мужчина ест рукколу с кедровыми орешками...

Да, Катерина очень заботится о здоровье своего мужчины.

Впрочем, как и Кирилл, который тоже заботится о своем здоровье. О здоровье своей головы.

— Значит, договорились, — слышится голос Лены. Ей поддакивает Максим и заговорщицки улыбается мученику. — Тогда в субботу ждем вас на ужин.

Лена и Максим — те самые друзья, на вечеринке у которых первый сервелатный парус проплыл мимо рта Кирилла. Нужно дожидаться субботнего вечера.

В сумерках назначенного дня Кирилл стоит рядом с тонкоствольной ивой перед входной дверью и настойчиво жмет на звонок.

Дверь открывает раздраженный Максим, и при взгляде на гостей его лицо добреет.

— Прошу к столу! — раздаётся команда.

Хозяева рассаживают гостей за столом из калёного стекла, сервированного круглыми плетеными сетями под каждую тарелку. Две уксусные бутылочки отражают блики и стоят посередине стола. В одной — бальзамический уксус, в другой — оливковое масло. Принесенная гостями бутылка французского вина избавляется от пробки и после двухгодичного молчания обретает свой голос. Фужеры наполняются багровым содержимым. На столе стоит один прозрачный салатник с «Цезарем». Разнообразная зелень с несколькими кусочками куриного белого мяса и пряными сухариками. Кирилл чувствует себя травоядным млекопитающим. Он вздыхает и запивает салат французским вином. Ждет.

Подают горячее. Диетическая запеченная индейка. Вкусно. Если закрыть глаза, то мож-

но принять за свинину. Кирилл ждет. Сейчас все доедят и разбредутся по интересам. Женщины пойдут сплетничать на кухню, мужчины – в угол веранды. По официальной версии, они будут там делиться своим опытом по установке новой версии софта. На самом деле их ждут простые мужские радости.

– Ну, открывай! – наконец-то говорит Кирилл, и Максим достает припрятанную бутылку водки из шкафчика. Боязливо показываются две стопочки. Вот и она. Упакованная в тонкий армянский лаваш курица-гриль взлетает на стол. У Кирилла от запаха кружится голова и желудок сводит голодная судорога. У него такое ощущение, что он не ел целую неделю, хотя только что встал из-за стола.

Стопки наполняются мужским напитком, и у каждого в руке оказывается по куриной ножке.

– За мужскую независимость, – говорит Максим, и они опрокидывают по стопке. Только сочное мясо и хрустящая корочка делают их жизнь полноценной. Они держат пальцами жирную птицу, жадно жуют и думают о том, как бы им дожевать до того момента, когда их хрупкие женщины, войдя на веранду, продолжат свою бесконечную дрессуру по здоровому образу жизни.

Тем временем хрупкие женщины, забившись в угол кухонного балкона, торопливо подносят зажигалку к своим сигаретам, чтобы, надышавшись табачного дыма, успеть проветрить помещение до того момента, когда мужчины, установив новый софт, захотят прийти попить горячий чай с тростниковым коричневым сахаром и печеньем на фруктозе.

Эта процедура размежевания на женскую и мужскую половины длится на протяжении уже семи лет, и угадайте, что каждый из них считает самым приятным в этих вечерах?..

□

Валерий РУМЯНЦЕВ

(псевд., наст. имя – Зорькин Борис Иванович)

родился в 1951 году в Оренбургской области.

Окончил филологический факультет

Воронежского государственного педагогического института.

По окончании Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности.

Пишет стихи и прозу. Рассказы печатались в 140 российских изданиях и за рубежом.

Автор десяти книг: «День и ночь» (2003),

«Удивительное рядом» (2003), «С чёрного хода» (2004),

«На перекрёстке жизни» (2005) и др.

Живет в Сочи.

В журнале «Север» публикуется впервые.

